

Мне снилось туманное морозное утро.

Выпал первый снег. Я иду по широкой пустынной улице. Улица упирается в большое трёхэтажное здание с пятью колоннами. Между колоннами стоит он. Багровое лицо его покрыто испариной. На щеках торчит редкая поросль. Он щурится своими глубокими глазами, полными слёз, и улыбается. Сотрясая землю, бьёт в бубен, дудит в дудку и, кривя рот, дико кричит: “Перемен! — требуют наши сердца. Перемен! — требуют наши глаза. В нашем смехе и в наших слезах, и в пульсации вен: “Перемен! Мы ждём перемен...”

В который раз уже мне снился этот сон. Но всё как-то не хватало времени толком осмыслить его: проснувшись утром, я всегда куда-то спешил.

В тот день я спешил на собеседование в одну торговую фирму.

Окончив второй курс медакадемии, я решил на время оставить учёбу. Я устал от бесконечных лекций с утра до вечера, изучения того, что мне непонятно. Мне хотелось что-то поменять в своей жизни. А может быть, изменить всю свою жизнь. К тому же, мне казалось, что я живу вовсе и не своей жизнью, а как будто проживаю чью-то чужую. Что та жизнь — моя, настоящая — намного ярче и полнее этой.

Я мечтал уехать куда-нибудь в тёплые края. Постоянно представлял себе это: ночь, море, шум волн, огромная луна над головой и небо! Гигантское

чёрное, пестреющее мириадами звёзд небо. Лежишь, смотришь в эту бесконечную глубину и как будто выходишь в открытый космос.

“Но чтобы обрести свою настоящую жизнь, надо сделать какой-то шаг, поступок!” — размышлял я.

Решено! Заработаю денег в конторе — и в путь.

Я вышел пораньше, чтобы дойти пешком.

Приятно выйти на улицу ранним весенним утром. Когда так тихо, прохладно, свежо. Всё кажется первозданным, нетронутым.

Во дворе раздавался рокот мусорной машины. Я остановился на секунду и прислушался к нему. Звук был отдалённый и даже приятный — одинокий слабый шум, который, ты знаешь, скоро исчезнет, и опять наступит тишина и покой.

Скоро так и случилось: шум стих. Я хотел было идти дальше, но вдруг из-за угла дома показалась сторбленная фигура старухи в сером плаще. Она медленно катила четырёхколесную тележку, гружённую какими-то свёртками, мешками, сумками. Я смотрел на неё и думал: “Как такое маленькое сухое существо может сдвинуть с места эту бандуру? И куда она её тащит?”

Озадаченный этим, я долго стоял и смотрел на неё. Я даже забыл, куда иду. Я уже ничего не видел, кроме неё. Мне казалось, у меня на мгновение помутился рассудок. Всё как бы остановилось для меня на *долгую секунду*. Было тихо. Я слышал только один звук. Что-то вроде курльканья птиц. Интересно, что это? Похоже на журавлей. Но откуда им тут взяться? И вдруг я понимаю, что это не птицы. Звук доносится со стороны старухи. Это скрипит колесо тележки. Этот звук замыкается во мне и воплощается во что-то неясное и тревожное. Охваченный этим чувством, я ещё долго стою в ожидании чего-то неминуемого. Но ничего не происходит. Старуха уходит. Я остаюсь один.

Я выхожу на главную улицу города.

Шумят машины, бегут люди. От резкой перемены картины я чувствую боль в голове. Мне хочется вернуться, спрятаться от всего этого. Но я пересиливаю себя и иду дальше.

Мой взгляд притягивает рекламный щит на другой стороне улицы — “Быстродень”.

“Действительно, быстродень какой-то”, — думаю я.

Но что за быстродень там такой?

Смотрю ещё раз, а это “Быстроденьги”. Две последние буквы скрывал другой рекламный щит.

“Быстродень — быстроденьги, быстродень — быстроденьги”, — как лезвие, вертится у меня в голове эта фраза, но я не могу избавиться от неё.

Перепуганный городской суетой, с головной болью, я поднимаюсь в офис на тринадцатый этаж высокого стеклянного здания. В зале порядок, светло, тихо. На стульях, выставленных в круг, сидят три парня и четыре девушки. В центре стоит мягкое винтовое кресло с высокой спинкой. Остаётся пара минут до начала собеседования.

Он зашёл последним — взмыленный, со включенными волосами. Представился Иваном. На нём, как старая тряпка, болтался серый засаленный костюм с высохшими потёками пота. Он осторожно присел на свободный стул (комнату наполнил кислый запах). Он щурился и улыбался. Сутулость заставляла его закидывать голову кверху, и он так степенно, как верблюд, рассматривал нас всех.

Откуда ни возьмись, словно иллюзионист, появляется красивый энергичный мужчина с большими белыми зубами, в модных кожаных сапогах цвета молочного шоколада. За ним идёт девушка. Её белое румяное лицо напоминает свадебный торт с глазами.

— Добрый день, друзья! — приятным баритоном приветствует нас мужчина. — Мы осуществляем ребрендинг и рестайлинг нашей компании. Поэтому нам необходим новый состав сотрудников. Сейчас мы выполним с вами три упражнения. Это поможет нам выявить среди вас наиболее подходящих для работы в нашей компании. Желаю всем удачи! — он садится

в кресло и закидывает ногу на ногу. На его сапогах становятся различимы едва заметные узоры.

Девушка широко улыбается (от этого *торт* становится больше и аппетитнее), разводит руками и говорит звонким голосом:

— Первое задание заключается в том, чтобы ответить на вопрос: что вы считаете слабостью в себе?

“Быстродень — быстроденьги, быстродень — быстроденьги”, — по-прежнему, как лезвие, вертится у меня в голове эта фраза. Опять шумят машины, бегут люди. Головная боль усиливается. Я становлюсь раздражительным.

“Моя слабость в том, что я пришёл к вам просить убежища”, — мне это сказать? Не-ет. Надо придумать что-то поинтереснее. Что же это? Неумение обращаться с деньгами? Замкнутость и озлобленность на весь мир? Чёрт его знает!

Пока я мысленно перебирал свои слабости, очередь дошла до Ивана.

Мне казалось, он спал. Глаза его были почти закрыты. Но он что-то бубнил себе под нос, словно отшлифовывая какую-то фразу, и слегка улыбался, как будто уже стыдился этой самой фразы.

— Иван, мы слушаем тебя, — весело сказала ведущая.

Иван встрепенулся, выпрямил спину и, оттопырив губы, протянул что-то среднее между “А” и “О”.

— Ао, ну, в детстве я постоянно стоял у окна, — прогундосил он и замолчал.

“Не поняла...” — отразилось в глазах у *свадебного торта*.

— И смотрел на шоссе, — продолжил Иван. — Я мечтал стать шофёром. Я рисовал машины.

Через каждое предложение Иван делал паузу.

— Потом, когда я вырос, я всегда опаздывал, куда бы ни направлялся. И поэтому часто смотрел на часы. Я представлял себе, какие у них могут быть разные циферблаты, и рисовал их.

Он поперхнулся и громко откашлялся.

— А однажды я стоял у окна. И я видел... Это... Я читал об этом в книге. Там было написано, я помню: вдруг сделалось безмолвие на небе, как бы на полчаса. И было семь ангелов. И... ещё что-то...

Иван сбился с мысли, секунду помолчал и продолжил.

— А теперь я смотрю на животных, и мне кажется... Мне кажется, что они говорят со мной, — продолжил он. — Но я не могу разобрать слов. Мне кажется, животные знают о чём-то, о чём люди забыли. Они знают, что...

Иван пожал плечами (было видно, что ему стыдно) и медленно потянулся вперёд к мужчине в узорчатых сапогах, даже привстал немного со стула.

— Что после смерти они переходят в другое состояние, — прошептал он, не то улыбаясь, не то гримасничая, и вернулся на место.

Кожаные сапоги у мужчины слегка потемнели. “Что это за идиот?” — говорил его окаменевший взгляд.

Девушка-торт прервала неловкую паузу:

— Друзья, давайте перейдём к следующему заданию.

Она раздала всем тетради и попросила написать пять пунктов: что значит быть торговым представителем?

Господи, да она издевается! Быть торговым представителем — значит быть ни на что не способным — это же ясно как день!

— Для меня это, прежде всего, быть коммуникабельным, — начала читать из своей тетради одна молодая дама, — дисциплинированным, амбициозным и приоритетным.

— Так! Очень хорошо! А пятое? — спросила ведущая.

— Эмм, простите, я не успела — сконфузилась дама.

— Ну, что же, в целом хорошо, очень хорошо! А что такое быть приоритетным?

— Ну, как же? Быть априори в тренде...

Очередь дошла до Ивана.

— Ао, ну, мне кажется, надо любить того, кому продаёшь свой товар, — прогундосил Иван, не то улыбаясь, не то гримасничая.

— Хорошо, Иван, спасибо тебе, — осторожно прервала его ведущая. — Итак, друзья, перейдём к последнему упражнению. Каждому из вас нужно будет продать нам свою тетрадь, в которой вы сделали записи.

Первый участник робко назначил цену в сто рублей. Второй в тысячу. Третий в десять тысяч. Я мелочиться не стал и назначил миллион долларов.

Иван посмотрел на форзац тетради и сказал:

— Двенадцать рублей сорок копеек.

В кругу кто-то засмеялся. Потом другой. Третий. Дошло и до ведущих.

— Павел, почему ты так дешево продаёшь свою тетрадь? — часто моргая от наворачнувшихся слёз, спросила девушка-торг. Она почему-то назвала его Павлом.

Иван смутился и занервничал. Мне было видно, как он пальцами правой руки снизу натирал сиденье стула.

— Она столько стоит, — пробубнил он. — Здесь цена указана...

Иван протянул тетрадь мужчине в сапогах.

— Послушай, Ваня, — взялся объяснять мужчина, — она столько стоит чистая. А там же твои уникальные записи... — перейдя на шёпот, сказал он и подмигнул Ивану.

— Точно! Как это я сразу не догадался? — Иван закатился каким-то странным истерическим смехом.

Собеседование закончилось. Меня взяли на испытательный срок. Я ликовал: первый шаг был сделан. Моя мечта изменить свою жизнь стала ближе ко мне. Теперь ночное море, небо и огромная луна над головой стали для меня реальностью.

Но эйфория продолжалась недолго. Меня отрезвили будни.

Я часами просиживал в офисе за компьютером, глядя в свою пустую клиентскую базу. Клевал носом после сытного обеда в “Макдональдсе”. А вечером проходил платный курс “активных продаж и личностного роста”. Стоил он недорого: шесть тысяч в месяц. По окончании курса меня ожидал экзамен. Я трижды пытался сдать его. Но всякий раз, когда меня спрашивали, как правильно продать товар, я молчал, как партизан, не находя нужного ответа. Через три месяца мне вручили диплом о том, что я прослушал их курс, и отправили восвояси.

Я пытался устроиться в другие компании с этим дипломом. Но мне говорили, что этот курс уже устарел, и предлагали пройти новый — “прогрессивных продаж”.

Так закончилась моя попытка вырваться из серой безликой массы и взять от жизни всё, перестать жить чужой жизнью и обрести свою, настоящую. Так гигантское чёрное, нестреющее мириадами звёзд небо осталось навсегда где-то в тёплых краях, где ночь, море, шум волн и огромная луна над головой.

Я вернулся в медакадемию.

И сегодня был первый день летней практики. Нас повели в психиатрическую клинику. Её огораживал толстый белый забор. За ним стояли рябины, дальше к подъезду вела липовая аллея.

— А хорошо здесь, правда? Как в парке! — старалась шутить заведующая. — Наша лечебница небольшая, состоит из трёх корпусов. Вот в Биргильдах, на шестьдесят третьем километре, там да, хорошая клиника. Но там и заболевания серьёзные. У нас-то буйных нет. Так, лёгкая меланхолия, — опять пошутила она.

К одному из корпусов примыкала площадка величиной с небольшое футбольное поле. Она была огорожена забором из сетки рабицы. За забором без дела шатались люди в застиранных халатах, кто-то громко кашлял, кто-то разговаривал сам с собой.

Одна толстая женщина у забора согнулась пополам и упёрлась руками в асфальт. Её варикозные ноги оголились, и показалось нижнее бельё. Поставив так немного, она опустила на ноги, поправила халат и жидкий хво-

стик полуседых волос. Её круглое, пунцовое от прилива крови лицо расплылось в улыбке.

Был час свиданий. К женщине подошли два худеньких мальчика с большой сумкой. Она обняла одного из них и поцеловала в ухо. Все трое присели на скамейку. Женщина открыла сумку, достала какую-то еду и поделила всё между несколькими старухами, сидевшими на соседней скамейке. Одна из них, доев угощение, подошла и попросила налить ей газированной воды в ладони — у неё не было стакана.

Нас завели в здание и посадили в учебную аудиторию. Я сел у окна. Вскоре в аудиторию завели худого сутулого парня и посадили за стол преподавателя.

Он щурился и улыбался. Сутулость заставляла его закидывать голову вверх, и он, казалось, даже с каким-то высокомерием посматривал на нас всех.

Это был Иван.

Я сидел с краю у окна, и мне было видно, как он пальцами правой руки снизу натирал сиденье стула.

Ему задавали вопросы.

Отглотив губы, он протягивал что-то среднее между “А” и “О”, отвечая только на простые и короткие. В ответ на сложные вопросы он молчал и смотрел вниз. Говорил тихо, каждый раз делая паузу перед ответом, как будто обдумывая его.

Я смотрел на его багровое лицо, влажные глаза и эту странную улыбку. И вдруг я понял — это он снится мне.

Я долго всматривался в него. Как будто ждал от него какого-то откровения. И у меня опять возникло то странное чувство. Как тем тихим весенним утром в моём дворе, когда всё вдруг остановилось для меня, и что-то тревожное, неясное проявилось в моём сознании. Я вспомнил сторбленную старуху. Как она, изнемогая, толкала свою тележку, как будто кто-то заставлял её делать это. Как будто она только и рождена была для того, чтобы каждый день снова и снова толкать гружёную тележку. Я слышу тот странный звук — что-то вроде курлыканья птиц (может быть, журавлей?), и мне опять кажется, что сейчас что-то непременно произойдёт.

Вдруг в окно что-то ударило.

Как будто теннисный мячик (только легче и подвижнее). Я попытался вспомнить, как он летел. В момент удара боковым зрением я видел, что мячик летел как-то странно, неестественно. И отскочил не в ту сторону, в какую должен был. Я присмотрелся к тому месту, куда пришёлся удар. Там оставался след. Я увидел мелкие цветные перышки, трепетавшие на ветру. Я понял — это была синица.

Недавно ночью я проснулся от такого же стука в окно, и не понял, что это было.

Дома, после практики, я подошёл к окну и увидел в правом верхнем углу такой же комок цветных перышек. Я ещё долго простоял у окна, о чём-то думая.

Потом лёг на кровать, чтобы уснуть.

Я не хотел спать, но хотел увидеть тот сон. Ведь теперь я знаю, что это Иван стоит там, между колоннами. Мне хотелось посмотреть на него новыми глазами и, может быть, наконец что-то понять. Кажется, настало то время, когда бежать больше некуда. И некуда спешить. И больше уже не хочется перемен.

И вот уже не то снится, не то думается мне.

Я опять вижу туманное морозное утро. Первый снег. Снег лежит на больших зелёных матовых листьях. Скоро они пожухнут и свернутся в трубочки. Большие, зелёные странные листья.

Я иду по широкой пустынной улице огромного города. Передо мной — большое трёхэтажное здание с колоннами. Между колоннами стоит он. Он щурится своими глубокими полными слез глазами и улыбается. Бьёт в бубен, рассекая в кровь ладони, дудит в дудку и, кривя рот, дико кричит: “Перемен! —

требуют наши сердца. Перемен! — требуют наши глаза. В нашем смехе и в наших слезах, и в пульсации вен: “Перемен! Мы ждём перемен...”

Я долго всматриваюсь в него, и мне кажется, что это я стою там. Словно теперь мы с ним — одно, и взгляд мой обращён как бы внутрь нас. Я вижу, как мы плывём в одной лодке по изломистой кипящей реке. Нас выбрасывает на мшистые гранитные берега с вековыми сухими смоковницами. Озарённые солнцем отвесные скалы теснят нас, кажется, готовые сомкнуться над нашими головами.

Я всё пристальнее и пристальнее всматриваюсь в него. Как будто жду от него какого-то откровения. Я уже ничего не вижу, кроме него. Всё опять остановилось для меня на *долгую секунду*. И вдруг как будто сама нагота жизни высвечивается передо мной. Я вижу всё человечество в этом ревущем и одновременно смеющемся человеке, сошедшем с ума, стоящем в это туманное морозное утро с бубном в руках. Он стоит передо мной, плачет, радуется и поёт, как бессознательный образ целого мира, жизнь которого продолжается вопреки всему.